

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФРЕСКЕ В ЭСКИ-КЕРМЕНЕ

Доктор искусствоведения Э. М. КОРХМАЗЯН

В юго-западной части Крымского полуострова, недалеко от Мангупа (в средневековье—Феодоро, бывшего центром одноименного княжества), в городке Эски-Кермен, входившем в пределы указанного княжества, сохранился небольшой пещерный храм, украшенный фреской с изображением трех святых воинов на конях, в воинских доспехах, со щитами и копьями, головы всадников окружают нимбы. Фреска эта и дала название церкви, известной как Храм трех всадников. Обстоятельное исследование фресок Крымского полуострова было проведено О. И. Домбровским¹. И церковь, и украшающая ее фреска датируются началом XIII в.² Н. И. Репников, проводивший в 1928—1929 гг. археологическое исследование Эски-Кермена, на труд которого ссылается О. И. Домбровский, видел в свое время в греческой, плохо сохранившейся надписи на фреске начало даты: 12.. (цифры второго и первого разрядов были стерты). «Сама роспись,—пишет О. И. Домбровский,—характерна для XIII в. как своим общим духом, так и различными аксессуарами (форма и орнаментация седел, попон, сбруи, стремян, детали одежды и доспехов, закрученные в узлы хвосты коней, их подковы и подстриженные гривы)»³. Фреска выполнена профессиональным мастером и стилистически вписывается в круг византийских памятников образительного искусства указанного времени—обстоятельство, уже отмеченное специалистами⁴. Из трех представленных на фреске воинов уточнено имя лишь среднего святого воина, поражающего копьём дракона—так обычно изображался св. Георгий Победоносец. Два других воина не идентифицированы и мы попытаемся их определить.

Первый всадник представлен с фигурой мальчика на крупе его лошади. О. И. Домбровский высказывает предположение, что изображение мальчика «не имеет непосредственного отношения к деяниям самого святого», возможно это «просто паж, фигура довольно обычная во всей средневековой Европе», либо он связан с детским захоронением, имеющимся в храме⁵.

Подобное предположение явилось следствием того, что в русской житийной литературе отсутствует сказание о святом воине Саргисе (Сергиосе) и его сыне Мартиросе, получивших большую популярность именно в Армении. Согласно армянской житийной литературе Саргис был ромейским князем и военачальником, а также ревностным хрис-

¹ О. И. Домбровский. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.

² Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.—Готский сборник, Известия Государственной Академии истории материальной культуры, т. XII, 1932, с. 103; О. И. Домбровский. Указ. соч., с. 34.

³ О. И. Домбровский. Указ. соч., с. 36.

⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. Л., 1964, с. 101; О. И. Домбровский. Указ. соч., с. 38; Е. Крикун. Архитектурные памятники Крыма. Симферополь, 1977, с. 15.

⁵ О. И. Домбровский. Указ. соч., с. 39.

тианином, во времена императора Константина (IV в.). С приходом к власти Юлиана-отступника, когда вновь возобновились гонения на христиан, Саргис со своим сыном Мартиросом и отрядом верных воинов удалился на Восток. Сперва он пытался найти приют в Армении, но пробыл там недолго: узнав о готовящемся на Армению походе Юлиана, Саргис со своим отрядом перебрался в Персию и поступил на службу в войско царя Шапуха. Первоначально ему сопутствовала удача, он списал там славу талантливого военачальника. Однако вскоре, за проповедь христианства среди персидских воинов и отказ изменить своей вере, Саргис вместе со своим сыном Мартиросом принял мученическую смерть⁶. Согласно преданию, в конце IV в. стараниями Месропа Маштоца останки св. Саргиса были перевезены в Армению и в селении Карби был основан первый храм во имя этого святого. Нам представляется, что имя сына Саргиса—Мартирос, появившееся в армянском варианте жития этого святого, являлось эпитетом Саргиса, принявшего мученическую кончину: слово *Μαρτυρος* (мученик) при переводе с греческого было воспринято в качестве собственного имени. Так или иначе, по данное обстоятельство повлияло как на обогащение армянского текста жития новыми сказаниями, связанными с деятельностью сына Саргиса, Мартироса, так и на иконографию его изображений в армянском средневековом искусстве—св. воин Саргис обычно представляется в виде всадника со своим сыном Мартиросом, сидящем на крупе его лошади⁷. Данная иконография становится устойчивой и характерна для изображений этого святого, встречающихся как в живописи, так и в скульптуре. Это позволяет определять не только имя изображенного святого воина, но в ряде случаев уточнять важные данные, касающиеся конфессиональной принадлежности памятника, особенно если таковой находится вне пределов Армении.

Житие святого воина Саргиса (Сергиуса) было известно и в греческой, и в грузинской среде, однако совершенно в ином плане. Он не был признан в качестве святого православной церковью и сказания о нем нашли место, в основном, в церковной обличительной литературе, направленной против армян и появившейся вскоре после церковного раскола в VII в., когда армянская церковь отделилась от православной. Л. Меликсет-бек, посвятивший этому вопросу отдельную статью⁸, пишет, что греки не только не приняли и не принимают Саргиса за мученика, но «даже причислив его к категории ересиархов, всячески проклинаяют»⁹.

Праздник святого Саргиса воина отмечается армянской церковью в последнюю после поста «Араджавор» субботу¹⁰, в конце января или в начале февраля. У армян имеется поверие, что св. Саргис в течение всего пятидневного поста «Араджавор» подымает страшную метель, чтобы задушить неверующих в него. Греческая версия этого поверия со-

⁶ Չիրք որ Կոչի Այսմաւոր, Կոնստանդնուպոլիս, 1730, էջ 346.

⁷ Самое раннее сохранившееся изображение св. Саргиса с сыном Мартиросом сохранилось в росписи VII в. в церкви Кармавор в Аштарке.

⁸ Л. М. Меликсет-Бекоев. Грузинский извод сказания о посте «Араджавор». — Христианский Восток, т. V, вып. 2, СПб., 1916, с. 73–111.

⁹ Там же, с. 111.

¹⁰ Слово «араджавор» означает «предваряющий», «предшествующий». Этот пост отмечался за три недели до великого поста. Применительно к практике армянской церкви, он совпадает с праздником, установленным в честь св. Саргиса, ввиду чего «араджаворский» пост часто называют «постом св. Саргиса» (см. указ. статью Л. М. Меликсет-бека, с. 110).

держит обвинение Саргиса в похищении византийской царевны и в умерщвлении приближенных царя, пытавшихся ее освободить. Согласно же грузинской версии, метелью, которую поднял Саргис, была задушена грузинская повобрачная чета¹¹.

Исходя из приведенных данных можно заключить, что изображение св. Саргиса и его сына Мартироса могло появиться на фреске храма Трех всадников лишь в том случае, если бы она создавалась в определенной армянской среде. А подобная среда там действительно существовала.

Городок Эски-Кермен (более раннее его название не сохранилось), входил в состав княжества Феодоро, находившегося по соседству с Херсонесом, на месте древнего поселения Дорос. Оно было основано во второй половине XII в. и во главе его были представители известного трапезундского рода армянского происхождения—Гаврасы-Тарониты¹². В конце XI—начале XII вв. они возглавляли борьбу с Византийской империей за независимость Трапезунда. Среди представителей этого рода особенно известными были Феодор, Григорий и Константин¹³. Феодор был родом из Халдии (одна из областей провинции Базилар Хайк). При Алексее Комнине он был назначен дуккой Трапезунда, который ему удалось освободить от власти турок и сделать его независимым владетелем. Однако в дальнейшем он попал в плен к туркам и в городе Феодосополе (Карине), находившемся в то время в руках турок, принял мученическую смерть в 1098 г. Останки его были перевезены в Трапезунд и торжественно погребены, когда там правил племянник (некоторые полагают—сын) Феодора, Константин. Феодор, «прекрасный воин и опытный полководец», как его называет Анна Комнина, бывший также ревностным христианином, был объявлен святым мучеником Феодором Трапезундским. Он вошел в разряд святых мучеников византийской церкви. Известно, что армяне, подвизавшиеся в пределах Византийской империи, были преимущественно халкедонитами, т. е. примыкали не к национальной апостольской церкви, но к греческому православию¹⁴.

¹¹ Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., там же.

¹² А. Васильев. Готы в Крыму.—Известия Гос. Академии истории материальной культуры, т. V, 1927, с. 276—281. Автор приводит данные из повествования Анны Комнины, согласно которым Гаврасы именовались также князьями Таронитами, что связано видимо с родством этих двух родов. В обстоятельном исследовании этого рода Р. Бартияна (см. О византийской аристократической семье Гаврас.—Историко-филологический журнал, 1987, № 3, с. 190—200; № 4, с. 181—193; 1988, № 1, с. 163—178), имеются данные о том, что один из видных представителей рода Гаврасов, Феодор, был женат на представительнице другого, также весьма видного и значительного аристократического рода Таронитов (см. с. 184 второй статьи Р. Бартияна в № 4 указанного журнала). А. П. Каждан сомневается в отождествлении этих двух родов и помещает данные о них отдельно (А. П. Каждан. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв., Ереван, 1975, с. 17, 89). Все же больше доверия вызывают данные Анны Комнины, на которые опирался и А. Л. Якобсон (см. Средневековый Крым, с. 81).

¹³ История рода Гаврасов изложена нами на основе исследований, указанных в сноске 12. Наиболее подробные сведения о них дает в своем труде Р. Бартияна, однако он рассматривает данные, касающиеся Гаврасов, в основном, на территориях фемы Халдия и в захваченных сельджуками регионах Малой Азии и Западной Армении.

¹⁴ В. А. Арутюнова-Фиданян. Армяне-халкедониты на восточных границах Византийской империи, Ереван, 1980.

Упомянутый выше Константин во второй половине XII в. принял участие в заговоре против византийского императора. Заговор был раскрыт, а участники его отправлены в изгнание. По этому поводу А. Васильев пишет: «Обычным местом ссылки опасных (для Византийской империи.—Э. К.) политических преступников являлся Крым. Оказавшись в Крыму, Константин Гаврас перенес туда врожденное стремление его фамилии к борьбе с Византией, добился там определенного влияния именно в Готии»¹⁵. Здесь, на территории бывшего Дороса он основал новое княжество, назвав его Феодоро, по всей вероятности, с целью увековечения памяти своего выдающегося родственника—Феодора Гавраса Трапезундского.

Принимая во внимание все вышесказанное, не лишено основания выдвигаемое нами предположение, что третий апоимный святой воин, изображенный на фреске храма Трех всадников в Эски-Кермене, входившего, как известно, в пределы княжества Феодоро и расположенного неподалеку от одноименного центра этого княжества, вполне может быть святым воином Феодором Трапезундским.

Армяне восточных провинций Византийской империи, примыкавшие к греческому православию, находились в сфере влияния византийской культуры и неудивительно, что созданные ими памятники искусства выполнялись либо по греческим образцам, либо приглашавшимся греческими мастерами¹⁶.

Переселившиеся из Трапезунда вместе с князем Константином армяне, нашли себе место в среде армян Херсонеса¹⁷, часть их, когда князь Константин Гаврас основал новое княжество, обосновалась на новом месте. Здесь не была многолюдная армянская колония как в юго-восточном Крыму. Состоявшие, преимущественно, из армян-халкедонитов, здешние армяне постепенно слились с греками. Они дали начало фамилии греческих Гаврасов, от них же произошла фамилия русских Ховриных, которые в XIV в. переехали из Крыма в Москву¹⁸.

В истории остаются имена лишь выдающихся политических деятелей, представителей высшей знати. История Вардана-Филиппика, поднявшего в Херсонесе в начале VIII в. восстание против Юстиниана II и сумевшего занять византийский престол, умалчивает об его окружении, в котором несомненно должны были быть и его соплеменники. В изложенной выше истории армянского рода Гаврасов-Таронитов также отсутствуют данные об их окружении. Этот изъян восполнен упоминавшимся исследованием Р. Бартияна, который убедительно показал, что выдающиеся полководцы и общественные деятели из армян на службе Византийской империи всегда опирались на войска, состоявшие преимущественно из армян¹⁹, а также на население армянских областей, вошедших в пределы Византийской империи. Так было несомненно и в Крыму. Одним из свидетельств наличия армянской среды, на которую могли опереться князья Гаврасы, является фреска в храме

¹⁵ А. Васильев, Указ. соч., с. 280.

¹⁶ С подобным явлением встречаемся и в Кафе, где была большая армянская колония: церковь св. Стефана на феодосийском Карантине, построенная там армянами в первой половине XV в. (см. Э. Корхмазян. О времени постройки армянской церкви святого Стефана, газета «Победа», Феодосия, 11/VI, 1992), украшена фресками, в исполнении которых также приняли участие греческие мастера.

¹⁷ Н. Я. Марр. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе.— Известия Археологической Комиссии, СПб., 1904, с. 2.

¹⁸ А. Васильев, Указ. соч., с. 281.

¹⁹ Р. Бартиян. Указ. соч., статья первая в № 3, 1987 г.

Грех всадников в Эски-Кермене, на которой двое из изображенных святых воинов связаны с верованиями, бытовавшими именно в этой среде.

Армяне жили там по соседству с готами, греками, евреями, караимами вплоть до татарского завоевания, когда особенно пострадали юго-западные районы Крыма. Впоследствии, в конце XIV в. жизнь здесь вновь стала оживать. В это время правителем уже небольшого княжества Феодоро был князь Алексей, предками которого были известные нам Гаврасы-Тарониты²⁰. При нем были построены новые крепостные стены и башни, сохранившиеся и по сей день, а также дворец, от которого сохранились лишь основания стен²¹.

Княжество Феодоро окончательно прекратило свое существование после захвата Крыма турками в 1475 году.

Р. Бартикян заканчивает свое исследование о княжеском роде Гаврасов послесловием: «Гаврасы у истоков так называемого «сельджукского искусства». Автор затронул весьма интересный вопрос, уже не раз поднимавшийся в специальной литературе и впервые освещенный И. А. Орбели²². Эта проблема затронута также в трудах А. Л. Якобсона²³, О. И. Домбровского и В. А. Сидоренко²⁴, и в нашей публикации, посвященной миниатюре крымских армян²⁵. А. Л. Якобсон обратил, в частности, внимание на ряд сходных деталей в оформлении архитектурных строений, возводившихся различными народами, населявшими средневековый Крым. К их числу относятся своеобразные двухъярусные кантели на тонких полуколонках, украшения в виде «сельджукской цепи», розетки, характерный растительный орнамент и другие мотивы, которые «в основе своей несомненно армянского происхождения»²⁶. Сходные орнаментальные мотивы замечены нами и в миниатюрной живописи крымских армян. Последняя отличается многообразием своего художественного оформления. Наряду с образцами, выполненными на основе многовековых традиций национального искусства, здесь создавались и памятники, отразившие определенное влияние византийского искусства, что связано, несомненно, с теми контактами, которые не могли не существовать между армянскими и греческими колонистами Крыма.

²⁰ М. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма.—Материалы по археологии юго-западного Крыма, М.—Л., 1953, с. 330.

²¹ А. Л. Якобсон. Крым в средние века. М., 1973, с. 131—132.

²² И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства.—III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии.—Доклады, М.—Л., 1939, с. 150—154.

²³ А. Л. Якобсон. Армянская средневековая архитектура в Крыму.—Византийский временник, т. VIII, М.—Л., 1956, с. 177—179.

²⁴ О. И. Домбровский, В. А. Сидоренко. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978, с. 54—55.

²⁵ Э. М. Корхмазян. Армянская миниатюра Крыма. Ереван, 1978, с. 108—109.

²⁶ А. Л. Якобсон. Указ. соч., с. 178.

ՆՈՐ ՏՎՅԱԼՆԵՐ ԷՍԿՈ-ԿԵՐՄՆԵՆԻ ՈՐՄՆԱՆԿԱՐԻ ՄԱՍԻՆ

Արվեստագիտության դոկտոր Է. Մ. ԿՈՐԿՄԱՅԱՆ

Ս Վ Փ Ո Փ Ա Ր Վ

Ղրիմի հարավ արևմտյան ծայրամասում, Մանգուպից ոչ հեռու, էսկի Կերմեն փոքրիկ քաղաքում, որը միջնադարում Քեոզորո իշխանության կազմում էր, պահպանվել է մի ժայռափոր եկեղեցի՝ սուրբ զորավարներին պատկերող որմնանկարով, որից և ստացել էր իր «Երեք ձիավորների տաճար» անունը: Մասնադեմոնստրացիայից կարողացել են պարզել միայն մեկ կենտրոնում պատկերված ձիավորի անունը: Նա ներկայացված է վիշապին նիզակահարելիս, ինչպես սովորաբար նկարում էին ս. Գևորգին: Սույն հողվածում ճշտվում են մնացած երկու ձիավորների անունները: Առաջին զորավարի ձիու գավակին պատկերված է մի տղա՝ դա անշուշտ ս. Սարգիսն է իր որդու՝ Մարտիրոսի հետ: Քանի որ ս. Սարգսի պաշտամունքը տարածված էր միայն Հայաստանում, ուստի այդ որմնանկարը պետք է ստեղծված լիներ անվերապահորեն հայկական միջավայրում: Նույն միջավայրի հետ է կապվում և երրորդ ձիավորի պատկերը, որի ով լինելը օգնում է հասկանալ Քեոզորո իշխանության պատմական անցքերը: Այդ իշխանության հիմնադիրներն էին հայկական Գավրաս իշխանական տոհմի ներկայացուցիչները, որոնք նախապես գործում էին Տրապիզոնում, XI դարում այդ տոհմի շտաբիղներին մեկը Քեոզորո անունով, լինելով Տրապիզոնի ինքնակալ, կարողանում է հաղթական պատերազմ վարել սելջուկների դեմ: Հետագայում, դերի ընկնելով, որպես քրիստոնյա նահատակվում է Ռեոզոր զորավարը դասվում է հունական եկեղեցու սուրբերի շարքը (Տրապիզոնի հայերի մեծ մասը եղել է բաղկերիցական): Այդ Քեոզորոի ժառանգներից մեկը՝ Կոստանդինը, տեղափոխվում է Ղրիմ և XII դարի երկրորդ կեսին, խերսոնեսից ոչ հեռու, հիմնում է նոր իշխանություն, անվանելով այն Քեոզորո, ի հիշատակ իր անվանի բարեկամի: Իր իշխանության տարածքում XIII դարի սկզբում կառուցված և հարգարված տաճարի պատի վրա պատկերված զորավարներից երրորդը, ինչպես մենք կարծում ենք, պետք է որ լինի հայկական Գավրաս իշխանական տոհմի ներկայացուցիչ սուրբ Քեոզոր Տրապիզոնցին: